

Я ШЁЛ НА НЕБО...

Александр ИГНАШОВ

Александр СЕРОВ

Любовь СЕРОВА

18+

Александр Серов

Я шел на небо...

«ФЛИНТА»

2021

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2=411.2)6

Серов А. И.

Я шел на небо... / А. И. Серов — «ФЛИНТА», 2021

ISBN 978-5-9765-4495-6

«Кто-то должен править миром. Боюсь, на смену войне явной, глобальной, придет война тихая, необъявленная и бесконечная. Терроризм!..» — писал Р. Джексон, главный обвинитель от США на Нюрнбергском военном трибунале в 1946 году. Международное правосудие вершилось и в Токио. Зеркало одно, лица и ставки другие: японское бактериологическое оружие, новый тихий убийца. А в это время Мао Цзедун работает над созданием нового Китая, и очень скоро ветер, дующий с Запада, вступит в новую схватку с ветром, дующим с Востока... Цель борьбы не нова — контроль над миром. Жанр документального романа «Я шёл на небо...» — политическая драма, исторический детектив с элементами мистики. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-9765-4495-6

© Серов А. И., 2021
© ФЛИНТА, 2021

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Александр Викторович Игнашов,
Александр Иванович Серов,
Любовь Викторовна Серова
Я шел на небо...**

*Кто искренен к людям, тому доверяет небо...
Китайская народная мудрость*

© Игнашов А.В., Серов А.И., Серова Л.В., 2021
© Издательство «ФЛИНТА», 2021

Глава первая

Лондон, Шанхай, Париж, Амстердам, Москва, Нью-Йорк – одна строчка на табло вылетов в аэропорту сменяла другую. Ди смотрел так, словно выбирал, где окажется через несколько часов. За слегка тонированными панорамными окнами высился межконтинентальные авиалайнеры, а над ними поднималось громадное, во весь горизонт солнце.

В зале ожидания было многолюдно. Европейцы, латиноамериканцы, японцы, китайцы, африканцы, арабы – самого разного возраста, с багажом и без багажа – проходили на регистрацию, коротали время в ожидании объявлений о начале посадки на рейс.

Ди обратил внимание на мужчину лет сорока – тот сел в свободное кресло, достал из кейса ноутбук. Вырвавшись из рук бабушки, маленький мальчик бросился прямо под ноги одному из пассажиров. Худощавый старик подхватил мальчугана на руки и о чём-то заговорил с ним. Сидящий в кресле мужчина открыл на экране ноутбука файл, начал пролистывать текст.

Ди усмехнулся, взглянул на висящий неподалёку от него телевизионный экран – в кадре возник специальный выпуск новостей: теракт, мечущиеся в панике люди, и среди них – поддерживающий молодую женщину старик, тот самый, минуту назад бывший с ребёнком на руках здесь, в зале аэропорта. Ди перевёл взгляд на мужчину с ноутбуком – ещё пара секунд и тот в задумчивости оторвёт взгляд от компьютера.

Объявление об окончании регистрации сразу на несколько рейсов привело в движение стоящих у телеэкрана пассажиров. Лишь крепко сложенный мужчина никуда не спешил, он по-прежнему был у табло вылетов и всё с той же едва заметной улыбкой смотрел, как занятые своими делами люди один за другим сбиваются с привычного ритма жизни.

Так случилось, что оба – и тот, что писал в компьютере, и тот, что стоял у табло, – нашли взглядами друг друга и тут же – старика, причудливо раздвоившегося во времени и в пространстве. «Почему, Господь, стоишь ты вдали, закрываешь глаза во времена бедствий и убийств ужасных? – шепчут его губы. – Отчего на притеснения и обиды смотришь?»

* * *

Пассажиры занимают места в самолёте. Молодая женщина с трудом усаживает в кресло непослушного ребёнка.

- Я кому сказала! Прекрати!
- А я не хочу! Не хочу!
- Сядь, наконец! Ремень пристегни!
- Сама пристегни! Не хочу, не буду!..

Ди потрепал мальчишку по взлохмаченным волосам, улыбнулся его матери.

Оживлённо общаясь, прошли к своим местам трое японцев. Самый пожилой из них оглянулся на усевшихся на свои места пожилых китайцев, мужчину и женщину, и ехидно что-то произнёс по-японски, двое других заметно напряглись.

Ди был явно доволен происходящим.

Мужчина с ноутбуком и старик заняли кресла по соседству.

- Dzień dobry, – кивнул старик.
- Добрый! – Мужчина прикрыл шторку иллюминатора. – Вам свет не мешает?
- Słońce? Nie. Pan mówi po polsku?
- Не говорю, но понимаю.
- Русский? Вы русский?
- А вы поляк?

– Еврей.

Ди поудобнее устроился в своём кресле. «Могли бы говорить и погромче, – подумал он, – а впрочем, и так всё слышно».

– Простите, мы раньше не виделись?

– I wydaje mi się. И мне кажется. Знакомое лицо!

– Вы хорошо говорите по-русски.

– По-русски, по-английски, – стариk на мгновение задумался. – Немецкий, французский, идиш, иврит.

– Мы раньше виделись?

– Может быть. Я долго живу.

«Можно сказать, вечно», – ухмыльнулся Ди, и стариk тут же повторил за ним:

– Живу долго, можно сказать, вечно... Третий раз в жизни лечу... Trochę się boję. Obawiam się. I pan?

– Я тоже немного боюсь, но летаю. А как иначе?

– Nie mogę zrozumieć...

– Как этот огромный, железный самолёт взлетает в небо?

– Razem z ludźmi, вместе с грузом.

– Если честно, я и сейчас не очень понимаю, как они уходят в небо. Что их держит там, среди облаков? – Мужчина открыл ноутбук. – Не помешает? Раньше в полёте не разрешали. Много работы.

– Бизнес?

– Вторая мировая война. Я занимаюсь историей. Морозов Андрей Николаевич.

– Ройzman. Самуил.

Они пожали друг другу руки.

Ди сидел в третьем ряду за ними, но прекрасно видел их – не лица, а их самих едва ли не насквозь.

* * *

Шум толпы, приглушённый ход часов, отзвук хода времени.

1945 год. Нюрнберг, Дворец правосудия, зал заседаний Международного военного трибунала.

Со скамьи подсудимых слышится нервный шёпот:

– Нас расстреляют, как вы думаете?

– Замолчите вы!

– Нас расстреляют?

– Да не будьте вы размазней!

– Лей покончил с собой прямо в камере, вы слышали?

– Повесился над сортиром!

Удар гонга. Яркие вспышки фотокамер.

В центре зала у микрофона – Роберт Джексон, судья, главный обвинитель от США:

– Соединённые Штаты возражают против ходатайства, поданного от имени Густава Круппа, об откладывании суда над ним, – голос Джексона тонет в шуме зала.

Удар молотка председателя трибунала.

– Я требую тишины или я прерву заседание! – лорд Лоренс похож на свирепого зверя.

– Болезнь Густава Круппа не должна препятствовать правосудию, – продолжает Джексон.

На скамье подсудимых аплодисменты:

– Браво! А если он смертельно болен?

– Фемида, услыши его!

Джексон потрясает папкой с бумагами.

– Соединённые Штаты настаивают! Наша судебная система...

Густав Крупп с издёвкой кричит своему обвинителю:

– Джексон, вы так жаждете крови?

– Да, если хотите! – нервы у Джексона сдаются. – Если уважаемый трибунал сочтёт возможным...

– А он сочтёт, Джексон! – Крупп едва не подпрыгивает на каждом слове. – Я болен, я умру, но не так скоро. Надеетесь засадить меня за решётку? Только не здесь!

– Господин председатель, я требую... – Джексон сбивается.

Председатель трибунала лорд Лоренс с азартом игрока наблюдает за происходящим.

– Кто вернёт мне мои предприятия? Кто выдаст мне миллионные кредиты на их расширение? – Крупп встаёт, его голос крепнет, взгляд сверкает. – А именно так и будет! Вы, мои американские друзья, сами приползёте ко мне! Так и будет, мистер Джексон, вот увидите, будет!

– К порядку! – Лоренс бьёт своим молотком один раз, другой.

Шум в зале стихает.

Крупп, удовлетворённый происходящим, садится на место.

– Дело Густава Круppа с документами, подтверждающими его вину, должно быть срочно передано в трибунал! – Джексон всё ещё нервничает.

– Мнение советской делегации? – Лоренс не сводит глаз с Круppа.

Со своего места встаёт главный обвинитель от Советского Союза Роман Руденко:

– Мы считаем, что обвинения против Густава Круppа фон Болена остаются в силе. Что же до перекрёстных допросов, мы удовлетворены их ходом.

И вновь удар молотка председателя трибунала.

– Перерыв! Адвокаты могут проконсультироваться с подзащитными. – Лоренс собирает бумаги. – Перерыв, господа!..

* * *

«В архиве штаба германского верховного главнокомандования во Фленсбурге, в Марбурге в архиве Риббентропа, в архивах Розенберга и Франка американскими войсками было захвачено огромное количество документов. В руках у главного обвинителя от США были и обвиняемые и доказательства. Следственная часть советской делегации за короткое время изучила четыре тысячи немецких архивных документов, обнаружив и подлинный план “Барбаросса”, план военного нападения на Советский Союз». – Морозов свернулся в компьютере файл, закрыл глаза.

Ди оторвал взгляд от Морозова, и тот с облегчением откинулся на спинку кресла.

«Спасаясь от возмездия, гитлеровцы бежали на запад, в плен к англо-американским войскам, – Ди продолжал слушать его мысли. – Так большая часть подсудимых и свидетелей оказалась в распоряжении главного обвинителя от США. В Нюрнберге американцы претендовали на приоритет во всём. Допросы находившихся в распоряжении американской делегации лиц должны были вести только американские следователи, остальные могли через них задавать вопросы подсудимым и получать ответы в письменном виде. С этим согласились обвинители от Англии и Франции. Советская делегация заявила протест, наставив на праве допроса подсудимых и свидетелей до суда и на суде».

Самолёт продолжал набирать высоту.

Ди взглянул на старика Ройзмана.

– I dlaczego proces nogumberski? – выдохнул Ройзман.

– Почему именно Нюрнбергский процесс?

– Я хотел спросить о другом. Почему этот процесс заинтересовал вас?

Морозов ответил не сразу:

– Как сказать… В Нюрнберге вчерашние союзники даже не пытались искать взаимопонимания. Они самостоятельно изучали сотни документов, протоколы допросов, гитлеровский опус «Майн кампф».

Ди удовлетворённо скрестил на груди руки и сладостно потянулся в кресле. Его рука непроизвольно легла на коробочку с леденцами в кармане пиджака. Он не имел вредных привычек, но питал одну слабость – кисловатый привкус любимых конфет напоминал ему о детстве.

– Когда-то в детстве, – продолжил Морозов, – отец подарил мне книгу, двухтомник. Я любил читать. Я много читал. Это была стенограмма Нюрнбергского процесса.

– Czytanie nie jest dla dziecka.

– Да, не для ребёнка.

Они замолчали.

Наслаждаясь их взаимным волнением, Ди ждал продолжения.

– Знаете, – Морозов заговорил не спеша, тщательно подбирая слова, – примерно за месяц до начала процесса там, в Нюрнберге, случился скандал: схлестнулись сотрудники английской и американской спецслужб. Англичане, пытаясь установить прослушку в камере Геринга, нашли микрофон, уже установленный там американцами. Конфликт замяли. Сошлись на том, что разведки обеих стран будут работать параллельно…

Морозов вдруг оглянулся назад, но Ди словно растворился в салоне.

– Странно, я волнуюсь словно школьник на экзамене! – Морозов усмехнулся. – В тюрьме недавних вождей рейха прослушивали круглосуточно: в камерах, в столовой, во время свиданий. Несколько английских записей прослушек были предоставлены трибуналу для психологической характеристики личности подсудимых.

– Всё было так, – не сразу откликнулся Ройzman, – и не совсем.

Морозов едва не вздрогнул от услышанного.

– Никогда ешё, – теперь уже Ройzman подбирал слова, – никогда ешё не было… столько крови не было в истории человечества…

– Простите, вы были в Нюрнберге? Тогда, в Нюрнберге?

Ройzman ответил не сразу:

– Я… живу… вечно…

Ди достал из внутреннего кармана пиджака коробочку с леденцами, открыл её и отправил очередную конфетку в мясистый и влажный рот.

* * *

Нюрнберг, тюремная больница. 23 октября 1945 года.

Открывается дверь, и в палату к Роберту Леюходит Ди, всё такой же широкоплечий, ростом не выше полутора метров, голова ниже плеч, ноздри вывернуты, с появляющейся времена от времени на лице не самой приятной улыбкой.

– Нам есть о чём поговорить, герр Лей, – жестко произносит он на чистейшем немецком.

– Кто вы? – Лей вскочил с кровати.

– У меня к вам деловое предложение. Я присяду?

– Что вам от меня нужно? – вместо крика горло Лея выдало мышиный писк.

– Мне нужны вы, такие, как вы, – улыбнулся Ди.

– Кто вы? – Лей сел на кровати, его правая рука дрожала больше левой.

– У вас будет всё, что вы сочтёте нужным иметь: полигоны, технологии, персонал. Так я присяду? – гость вновь неприятно улыбнулся. – Для друзей я просто Ди.

– Садитесь. И вы предлагаете мне…

Ди улыбнулся ещё шире:

– Создать армию.

– Создать что?

– Армию.

– Банановую?

– Армия может быть и немецкой. Может быть и гибридной. – Ди опустился на табурет. –

На ваш вкус.

Теперь ужеsarкастически усмехнулся Лей:

– Вы представляете себе, сколько это может стоить?

– Об этом вы не должны беспокоиться.

– Каковы ваши цели? – Лей инстинктивно приник спиной к стене.

– Противовесы, герр Лей, противовесы. – Ди встал с табурета. – У нас с вами один враг, – он сделал шаг к Лею.

– У нас с вами? Кто? – Лей понемногу начал приходить в себя.

– Восток, – Ди сделал ещё шаг.

– Не славяне и не евреи? По-вашему, с Востоком есть за что воевать?

– Представьте себе!

– Сфера наших интересов распространяется на другие территории.

– Распространялась, – уточнил Ди таким тоном, что Лей снова вздрогнул. – Я говорю не о войне, герр Лей, я говорю о противовесе. Достаточно держать кулак перед носом врага.

– И это будет немецкий кулак? – Лей перешёл на французский язык.

– А почему нет? – Ди так же изящно ответил по-французски. – Германия десять лет держала в страхе весь мир. И это было великолепно!

– Вы думаете? Мы проиграли войну.

Теперь уже улыбнулись оба.

– Но не историю! – вновь жёстко уточнил Ди. – Вы станете вооружаться, мы – торговать.

– Чем торговать? Кокаин, марихуана?

– Вы – химик и знаете о перспективах этого товара.

– А вас я вообще не знаю.

Ди в два шага приблизился к Лею так, что тот чуть не задохнулся от его дыхания.

– У вас есть выбор? – спросил Ди по-немецки.

– Выбор есть всегда, – на немецком ответил Лей. – Не всегда есть перспектива, а выбор есть всегда.

Ди слегка отпрянул назад:

– Чем вас не устраивает такая перспектива? Пять – семь лет для создания современной армии, и я вам гарантирую – мы запустим конвейер!

– Даже так? Кто вам мешает сделать это сейчас и без меня, без нас?

Ди не спешил с ответом.

– Или Америке нужен очередной рейх? – Лей чувствовал, что снова теряет контроль над собой. – Вы ведь американец?

После паузы Ди продолжил вкрадчиво:

– Скажем так, вы концентрируете силу, мы – деньги. Сила и деньги – это противовес. Вам нужно только согласиться, довериться мне, как пациент доверяется доктору. Вы закроете глаза и откроете их за океаном.

– Д-дос-та-т-точно... – Лей начал заикаться и договорить уже не мог. Вызванные волнением приступы заикания начались у него давно, сразу после ранения в Первую мировую.

Ди подошёл к двери.

– Не волнуйтесь, – он вновь улыбнулся.

– Я п-понял в-вас. Я п-подумаю.

Ди дважды громко стукнул в дверь.

Через пару секунд дверь открылась, Ди вышел. Дверь закрылась непривычно громко и гулко.

Лей ещё долго сидел в задумчивости, пытался понять, кем был этот Ди. Возрождение Германии – это очень заманчиво! Ориентация на Восток. Почему – на Восток? Разговор про наркотики в качестве будущей финансовой основы. Что до золота в альпийских горах, то ещё до тридцать девятого года нацисты заложили восемь секретных шахт, в которых хранились золотые и платиновые слитки про запас на чёрный день. И это не тайна. Во время войны таких шахт было уже тринадцать. Все работавшие в них узники уничтожались. Уничтожались и те, кто уничтожал их. В сорок пятом союзники это золото искали. Ди откровенно намекал Лею: откройте, где золото! Но почему выбор этого Ди пал именно на Лея? Кто этот низкорослый монстр? От чьего имени он ведёт эту игру?..

* * *

Морозов прикрыл крышку ноутбука:

– Сегодня перед вылетом мне показалось, да нет, я уверен, так и было… – он взял Ройзмана за руку. – Я видел этого Ди… Я не знаю, как он выглядит… Но сегодня… Я это почувствовал, я уверен – это был он!..

– Не волнуйтесь так.

– Любой миф, любая легенда для историка – иносказательно выраженный факт. Иносказательно, образно. Но этот Ди существует, он не миф. В тюрьму, в больничную палату к Лею действительно кто-то приходил. Была запись прослушки разговора. Но кто приходил, неизвестно. Дьявол?

* * *

Американского психолога Гилберта в Нюрнберге особо интересовали трое обвиняемых: Геринг, Гесс и Лей. Он так и писал о них в дневнике: «Под плотным наблюдением!»

Гесс заявил, что потерял память. Но как это доказать или опровергнуть? В присутствии психиатра и психолога американцы устраивали ему свидания с Хаусхофером, фон Папеном, Риббентропом, Функом – Гесс был холоден.

Наконец против Гесса сел Лей. Они долго смотрели друг на друга и молчали.

– Мне всё ясно, – сказал Лей.

– Что вам ясно? – не выдержал психиатр.

Лей встал, собираясь уйти.

– Вы уверены, что перед вами Рудольф Гесс? – полковник Амен остановил Лея.

– Я убеждён, – Лей стоял в дверях. – Можете проверить: у настоящего Гесса на левом лёгком шрам от ранения, полученного в 1917 году.

– Как мы это проверим? Разрежем его, что ли? – нервно улыбнулся Амен.

– Как хотите, – сказал Лей и вышел.

Разговоры о том, что подлинного Гесса казнили в Англии в 1941 году, а в Нюрнберг англичане привезли двойника, многим из подсудимых были неприятны. Амен, Гилберт, Эндрюс, психиатры и прочие специалисты предпочли эстетский вариант эксперимента: в присутствии русских и французских представителей Лей был вынужден просить Гесса написать на листке бумаги три любимых музыкальных произведения, что тот и сделал. Листок передали наблюдателям. Лей сел за рояль и сыграл «Маленьющую ночную серенаду» Моцарта, «К Элизе» Бетховена и «Зиму» Чайковского. Гесс узнал все мелодии и назвал их по порядку. Эмоциональная память идентифицирована. Что дальше? Знает он что-то или нет, подлинная у него

амнезия или он симулирует болезнь, – на контакт Гесс не пойдёт, это стало ясно всем. Эксперимент провалился.

Семнадцатого октября доктор Гилберт собирался работать с Герингом. А это значит – допрос или психологическое тестирование. Начальник тюрьмы полковник Эндрюс счёл это нарушением режима и всё отменил.

Геринг весь день пробыл в камере. Часами он разговаривал вслух со своей первой, умершей ещё в тридцать первом году, женой. Он рассказывал Карин о том, что было в его жизни после её смерти, объяснял, что суд должен состояться, но судьёй ему может быть только она и никто больше.

– Помнишь, – говорил он, – мы гуляли с тобой по берегу Изара, всегда в одном и том же месте, возле часовни, и я говорил тебе одно и то же, повторял, не замечая, что повторяюсь. Ты слушала всегда по-новому. И однажды ответила: «Если всё будет, как ты говоришь, то мне страшно...»

Геринг расхаживал по камере: четыре шага туда, четыре – обратно, взгляд – в потолок. Иногда он натыкался на привинченный к полу стул и будто приходил в себя. Снова начинал ходить и снова натыкался на стол, на стул, словно знал, что специалисты определяют такое состояние как психологический перелом, после которого заключённый какое-то время бывает неадекватен.

Неадекватен? А время идёт.

Все эти психологи, наблюдатели – пошли они к черту!...

* * *

Тот, кто назвал себя Ди, пришёл к Лею двадцать третьего октября, а в ночь на двадцать пятое Ля нашли повешенным. Следствие установило: самоубийство. С чего вдруг? И вдруг ли? Пять дней назад подсудимым предъявили обвинительное заключение. Шахт воспринял его равнодушно, Геринг иронически. Лей был спокоен! Он сказал психологу, что победителям трудно будет разыграть спектакль правосудия, не прибегнув к спецэффектам. Говорил он без эмоций. Зачем ждать пять дней, чтобы повеситься? Приступ заикания начался у Ля во время встречи с Ди. На следующий день, по свидетельству того же психолога, он не мог сказать ни слова. А ночью, скрутив жгутом казённое полотенце, сделал петлю. «Чрево плодит гадов» – шесть раз было написано им вдоль и поперёк незаконченного в ту ночь письма детям. Что он хотел сказать, о каких гадах писал?

* * *

Бледный, мечущийся по камере Кейтель злобно выкрикивает в стену, в дверь, самому себе под ноги полные отчаяния короткие фразы. Молоденький офицер охраны зачарованно наблюдает за ним сквозь глазок в двери.

– Фюрер, фюрер! Только и разговоров, что о фюрере! Что вы вообще знаете о фюрере? – Кейтель останавливается и пристально смотрит на дверь. – «Майн кампф»?

Надзиратель в коридоре невольно отшатывается.

– Да ни один журналист, ни один издаатель не имел права даже интересоваться биографией фюрера! А сейчас вы суёте мне свои бумаги: «Пишите! Пишите всё, что знаете о фюрере!»

Вжавшись в угол, Кейтель едва не выпадает из поля зрения охранника.

– Он был вегетарианец? Он много пил? В чём причина его аскетизма? А отвращение к табаку? А вспышки гнева, а его вечная бессонница? А женщины? – Кейтель измощдённо оседает на стул. – Женщины! Они умеют слушать и восхищаться. Ева Браун! Какие у неё были

ноги! Мила, сдержанна, даже застенчива. Когда мы ещё только боролись за власть, она уже была его подругой...

Кажется, Кейтель успокоился, затих. Но ещё пара секунд, и он срывается на крик.

– Я не верю, у Евы от фюрера было двое детей! Не верю! Болтовня!.. А какие фотографии делала Ева! У неё был божий дар, и не только в фотографии.

Наблюдающий за Кейтелем офицерик слатывает слону, вспоминая свою красотку, её грудь и бёдра.

– Что ни говори, а Генрих Гофман был ловкий малый! Девок фотографировал каждый, а Генрих делал из них произведения искусства... Какая Ева! Ева Браун!.. У Генриха вдоволь негативов с её позами. Она, конечно, знала, они всплынут, если что. Но благодаря этим фото она познакомилась с фюрером.

Кейтель теряет дыхание, прикасает лбом к дверному глазку.

– Я не подопытная крыса и не красотка, не пьялься!

Дверь в камеру вздрагивает от удара, у охранника тоже есть нервы.

Кейтель кругами бродит по камере. Через пару минут дверь открывается, на пороге возникает конвой.

Подсудимых выводят в коридор, выстраивают в колонну. Охранники что-то говорят, шепчутся заключённые, Кейтель с трудом разбирает слова, уши словно заложены ватой, на лбу испарина.

Прямо перед собой он видит идиотскую ухмылку.

– Вы не считаете себя виновным, Йодль?

– Перед кем? – уже без улыбки переходит на шёпот Йодль. – Нас расстреляют?

– Или повесят, – слабость путает Кейтеля по ногам, вяжет язык.

– Я бы всех нас повесил! – раскатисто рассмеялся Геринг.

– Во всём, что произошло, виноват фюрер! – Кейтелю не стоило этого говорить.

– Других тем для разговора нет? – рявкает Геринг.

– Фюрер знал обо мне, что меня зовут Йодль, что я генерал и что баварец.

– И что? – шепчет Кейтель.

– И всё! И ничего!

– Заткнитесь вы! – орёт Геринг.

Звучит команда начать движение.

– Двадцать раз, – бормочет Кейтель, – двадцать раз я просил отправить меня на фронт. Двадцать раз! Мне хватило бы и дивизии. Но фюрер не любил новые лица в ставке, они его бесили! Меня он видел насквозь, обрывал на первой же фразе доклада и говорил, говорил, говорил и договорился... Нас повесят? Повесят, а я бы расстрелял.

* * *

Зал заседаний трибунала. У микрофона – главный обвинитель от США Роберт Джексон:

– Господа судьи, честь открывать первый в истории процесс по преступлениям против человечества налагает ответственность. Преступления, которые мы должны осудить, имеют такие последствия, что цивилизация погибнет, если они повторятся. Подсудимые – живые символы расовой ненависти, террора, насилия. Милосердие к ним будет означать победу того зла, которое связано с их именами. В соответствии с принципом фюрерства эти люди создали в Германии национал-социалистический деспотизм, лишив народ Германии всех свобод. Они не пачкали руки в крови, они планировали, руководили. Нацистская партия ещё в декларации 1920 года объявляла, что ни один еврей не может быть членом нации.

Адвокат Гесса Зейдль вскакивает с места:

– Германия – не родина антисемитизма!

– Соблюдайте порядок!

– Германия...

– Я лишу вас слова! – Лоренс приподнял свой молоток.

– Я бы хотел заметить, – Зейдль перехватывает инициативу, – трибунал разрешил нам использовать произведения американских, английских, французских авторов, чтобы, в свою очередь, доказать их антисемитский характер.

– Соединённые Штаты возражают! Вы протаскиваете в суд антисемитскую литературу! – Шум в зале не даёт Джексону договорить.

Усиленные микрофонами голоса тонут в общем гвалте.

– Соблюдайте порядок! – Лоренс успокаивает присутствующих. – У нас два десятка подсудимых. Есть темы, общие для всех. Трибунал предлагает защите не останавливаться на одном вопросе по каждому из подсудимых. Возражений нет? Приступаем к опросу подсудимых. Итак, Герман Геринг, вы признаёте себя виновным в предъявленных вам обвинениях? Ближе к микрофону, Герман Геринг!

Геринг встаёт со скамьи подсудимых:

– Прежде чем ответить на вопрос суда...

– Подсудимым не разрешается делать заявления, – прерывает его Лоренс, – и вы об этом знаете. Признаёте вы себя виновным?

– Я не признаю себя виновным, – Геринг сделал ударение на каждом из слов.

– Рудольф Гесс! – Лоренс по-прежнему спокоен и педантичен.

Гесс встаёт:

– Нет. Я признаю себя виновным перед Богом.

– Это признание себя невиновным? – Лоренс невольно вызвал смех в зале. – Если будет шум, я потребую покинуть зал! Это относится к каждому!.. Пожалуйста, Вильгельм Кейтель.

Кейтель встаёт и говорит чётко и громко:

– Не признаю себя виновным!

– Альфред Йодль?

– Я не признаю себя виновным.

Франк, Фрик, Розенберг, Шахт, Дениц, Редер – никто из них не признал себя виновным.

* * *

– То, что вы пишете... – Ройzman искал подходящее слово. – Czy będzie to rozprawa doktorska?

– Диссертация уже есть.

– Książka? Roman?

– Если бы! – Морозов смутился. – Я не писатель. Живу этим много лет. Работаю в архивах, собираю документы, анализирую их, пишу. Для меня Вторая мировая война – не только война...

Слушая Морозова и Ройзмана, читая их мысли, Ди рисовал в миниатюрном блокноте человечка, с каждым штрихом всё больше похожего на фюрера.

– Hitler, – негромко сказал Ройzman. – Kiedy go zobaczyłem... Когда я впервые увидел Гитлера на экране хроники...

– Он обладал гипнотическим эффектом, – подхватил Морозов. – Был суеверен до судорог. И при этом пророков, гадалок и прочих шарлатанов, не задумываясь, отправлял в концлагерь. Мог часами рассуждать о сифилисе. Никогда не водил автомобиль, знал все типы машин и презирал механиков... Он прожил пятьдесят шесть лет и десять дней. Ему напророчили умереть в этом возрасте. Одна гадалка нагадала ему пятьдесят пять лет, другая – пятьдесят семь.

Во Франции маршал Ланн до самой смерти говорил Наполеону «ты», но в Германии никто и никогда не говорил фюреру «ты».

– Вас волнует наказание? – после небольшой паузы спросил Ройзман.

Ди напрягся в азарте – он знал, что ответит этот русский.

– Проблема возмездия. Нюрнберг. И Токио, – уточнил Морозов. – Война не только на Западе, но и на Востоке, её жертвы.

* * *

Китай. Двадцать второе декабря 1944 года.

Мао Цзэдун сидит за столом, на котором стопка из трёх томов китайской энциклопедии, белая эмалированная кружка с крышкой, бутылочка с тушью, кисть, стакан с карандашом и обычной ученической ручкой, под руками – листы чистой бумаги. Справа от стола – карта Китая.

Напротив Мао Цзедуна сидит один из лучших советских китаеведов, дипломат, способный расположить к себе любого собеседника, человек исключительной силы воли, прекрасно владеющий китайским языком, связной Коминтерна при руководстве ЦК компартии в Особом районе Китая, военный корреспондент ТАСС Пётр Владимиров.

– Оружие является важным, но не решающим фактором войны, – с увлечением говорит Мао Владимирову, склонив голову к правому плечу. – Военными силами и экономикой управляют люди. Атомная бомба – бумажный тигр, которым американские реакционеры запугивают людей. Исход войны решает народ, а не один-два новых вида оружия. Советский народ, народ Китая… Среди политиков немало бумажных тигров. Разве Гитлер не был обречён на поражение? Русский царь, китайский император, японский имперализм были бумажными тиграми. Все они свергнуты… Если говорить о нашем желании, то мы не хотим воевать ни одного дня. Но если обстоятельства вынудят нас воевать, мы в состоянии вести войну до конца. Единство в партии, единство народа, единство нации – у русских людей это в крови так же, как и у нас.

Мао Цзедун берёт карандаш, лист чистой бумаги и что-то пишет.

– Первый проект договора коммунистической партии Китая с американцами был подписан в Янъани, и американцы уже в ловушке. Им некуда деваться – только требовать от Чан Кайши уступок. И они добились их.

Встав из-за стола, он начинает расхаживать по кабинету.

– Теперь они требуют уступок от нас, от компартии Китая. Они свято уверены, что могут манипулировать кем угодно!

Мао остановился напротив Владимира и произнёс с гневом:

– Любое соглашение с американцами или с Чан Кайши – петля для компартии! Для американцев самое главное – выгода. Выгода!

Они торгуют всем, – Мао ухмыльнулся. – Мы делаем вид, что торгуемся. Личный представитель президента Рузельта мистер Хэрли был здесь.

В дверь негромко постучали.

– Я занят! – крикнул Мао Цзедун.

Придвинув стул ближе к Владимирову, он сел и взволнованно продолжил:

– Хэрли заявил мне – общественное мнение Соединённых Штатов не поймёт упрямства руководства компартии, и наша неуступчивость дорого нам обойдётся, если общественное мнение Соединённых Штатов будет против китайских коммунистов… Глупо пугать Особый район Китая каким-то американским общественным мнением! Этот номер здесь не пройдёт. Им плевать на весь мир! Значит, миру плевать на их общественное мнение! – раскрасневшись и жестикулируя, кричит он. – Соединённые Штаты ничего не добьются своим давлением! Мы

сформируем правительство, мы создадим страну!.. Если они не станут налаживать с Китаем межгосударственные отношения – компартия и народ Китая не пропадут!

Переведя дыхание, Мао продолжил:

– Десять лет, двадцать лет, целый век не будут признавать наше правительство, а потом всё равно пойдут на мировую, пришлют своих послов. Признают! Хоть на сто первый год, а признают – никуда не денутся! – встав со стула, он пошатнулся. – Слабость. Всё труднее работать. Все силы отдать борьбе! Возраст, скоро старость...

«События в Китае приковывают внимание всего мира, – писала газета “Известия” в декабре 1944 года. – В военной обстановке и внутриполитическом положении страны произошли изменения, каких не было в течение всей Японо-китайской войны, продолжающейся уже семь с половиной лет. В связи с наступлением японских войск военное положение Китая резко ухудшилось. В этот момент произошла частичная реорганизация китайского правительства, о которой уже сообщала наша печать. После сравнительно быстрого продвижения японских войск в Китае, продолжавшегося в течение первых двух лет, японо-китайский фронт стабилизировался и оставался без существенных изменений до весны 1944 года. На ряде участков китайские войска, перейдя в наступление, даже сумели потеснить противника. Возникновение войны на Тихом океане повлекло за собой отвлечение значительного количества японских войск с китайского фронта. Однако это не привело к активизации китайских войск. Наоборот, японские войска в течение летней кампании добились серьёзных успехов. Начав наступление из района Кайфына, они продвинулись на запад вдоль Лунхайской железной дороги, захватив город Лоян, развернув наступление вдоль Бэйбин-Ханькоуской железной дороги, полностью овладели стратегически важной магистралью и соединили фронты Северного и Центрального Китая. Следующим этапом японского наступления было продвижение на юг вдоль железной дороги Ханькоу-Кантон. В руках японцев вскоре оказалась столица провинции Гуанси – Гуйлинь, а затем города Лючжоу и Наньнин. Японские войска вступили в пределы Гуйчжоу. Таким образом, японцы в Китае установили сплошной фронт от Манчжуо-го до Французского Индокитая».

У Мао Цзэдуна своя связь с Москвой – мощная радиостанция, свои коды, но он продолжает посыпать телеграммы в Кремль через Владимира. В одной из них Мао пишет, что компартия играет ведущую роль в судьбе Китая, от неё зависит спасение страны и победоносный исход войны с японскими империалистами.

Восемь часов подряд азартно, горячо Мао Цзэдун говорил в тот день с Владимирами. Назавтра он мог лишь вяло пожать руку и тяжело, вперевалку бродить по комнате. Всё чаще зябко сутулился, долго рассеянно молчал, положив руки на колени. Разъясняя позицию руководства КПК в переговорах с американцами, интересовался отношением Советского Союза к советско-японскому пакту о нейтралитете. Устало улыбаясь, посматривал на Владимира. На ватной одежде Мао отражались смутные тени оконного переплётта.

* * *

Седьмого января 1945 года Мао выглядел очень уставшим. Ходил по кабинету, сгорбившись.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Владимира.

Стоя у стола, Мао Цзэдун перебирал бумаги.

– Я похож на старика, – ответил медленно, прихлебнув чай из стакана. – Устал. Готовлю документы к съезду компартии.

После паузы Мао сплюнул.

– Много курить вредно. Засыпал пеплом штаны, насорил окурками. Болезнь отнимает силы... – И снова пауза. – Соединённые Штаты считают, что установят новый порядок не

только в нашей части земного шара, но и везде. Миссия мира! Как только в Европе будет покончено с фашизмом, они попытаются утвердиться на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. Они полагают, только от них зависит, в конце концов, какой станет Япония. И не только она.

Мао задумчиво посмотрел на Владимирова:

– В мире сейчас дуют два ветра: либо ветер с Востока довлеет над ветром с Запада, либо ветер с Запада довлеет над ветром с Востока. Скоро ветер с Востока наберёт силу.

Ещё больше сгорбившись, он устало сел за стол.

– Умереть суждено каждому, но не каждая смерть имеет одинаковое значение, – сказал он, закрыв глаза. – Древний китайский писатель Сыма Цянь говорил: «Умирает каждый, но смерть одного весомее горы Тайшань, смерть другого легковеснее лебяжьего пуха».

– Вам надо отдохнуть, – по-дружески предложил Владимиров.

– Есть старинная китайская притча, – продолжил Мао. – В древности на севере Китая жил старик по имени Юй-гун с Северных гор. Дорогу от его дома на юг преграждали две большие горы – Тайшаншань и Ваньшань. Вместе со своими сыновьями Юй-гун решил срыть эти горы мотыгами. Другой старик по имени Чжи-соу, увидев их, рассмеялся: «Всё это глупости! Где уж вам срыть две такие горы!» Юй-гун ответил ему: «Я умру – останутся мои дети, дети умрут – останутся внуки, и так поколения будут сменять друг друга бесконечной чередой. Горы высоки, но выше стать они не могут. Сколько сроем, настолько они и уменьшатся». Юй-гун принял изо дня в день рыть горы. Это растрогало Бога, он послал на землю двух святых, которые унесли эти горы.

Мао пристально посмотрел на Владимирова и продолжил:

– Сейчас империализм и феодализм как две большие горы давят своей тяжестью на китайский народ. Коммунистическая партия Китая решила срыть эти горы. Мы должны трудиться, и мы тоже растрогаем Бога. А Бог этот – не кто иной, как народ Китая. Если весь народ поднимется, чтобы вместе с нами срыть эти горы, неужели мы их не сроем?

Собравшись с силами, Мао Цзэдун встал из-за стола.

– Пётр, вы читали в европейских газетах рассуждения о неподсудности гитлеровского генералитета?

– О том, что судить надо одного Гитлера?

– А все остальные ни в чём не виноваты! Нет, судить надо всех! Немецкие генералы – профессиональные убийцы, опора фашизма. Должен быть военный трибунал в Европе, должен быть трибунал на Дальнем Востоке. Японцев надо судить! Китайский народ потерял тридцать пять миллионов жизней! Кто ответит за это?..

* * *

Большинство японцев верили официальной пропаганде, что на территории Маньчжурии на основе принципов «вандао» создаётся идеальное государство пяти наций: монголов, маньчжиров, китайцев, корейцев и японцев.

Вслед за захватившей северо-восток Китая японской армией осваивать Маньчжурию отправились тысячи японских крестьян, рабочих, торговцев, учёных, журналистов. Это было словно поветрие! Японцы верили, что ведут войну ради процветания своей страны, на величии которой будет основан мир в Азии, а Маньчжурия жизненно необходима каждому японцу, и нет ничего ужасного в унижении, разграблении и уничтожении китайцев. Несогласных тут же обвиняли в нарушении «Закона об охране общественного порядка», объявляли государственными преступниками и репрессировали.

Подготовку бактериологической войны японская армия начала вскоре после захвата Маньчжурии. В 1933 году на юго-востоке Харбина был создан секретный научно-исследовательский центр подготовки и ведения бактериологической войны, позже получивший называ-

ние Главной базы Управления по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии. Чтобы скрыть истинное назначение этого военного формирования, оно было названо «Отрядом Камо» по созвучию с одним из населённых пунктов в Японии.

В 1936 году по требованию японского генерального штаба и по указу императора для претворения в жизнь в лабораторных условиях экспериментов по разработке и массовому производству бактериологического оружия были сформированы и переданы Квантунской армии две крупные части, получившие позже наименования Отряд 731 во главе с занимавшимся до этого разработкой бактериологического оружия в Военно-медицинской академии Японии микробиологом, генерал-лейтенантом Исиро Иси и Отряд 100 во главе с генерал-майором ветеринарной службы Юиро Вакамацу.

Отряд 731 был организован главным образом для подготовки бактериологической войны против Советского Союза, Китая, Монгольской Народной Республики. Отряд 100 занимался разработкой бактериологического оружия для заражения пастбищ и водоёмов, для уничтожения скота и конницы противника.

Тринадцатого июня 1938 года район в двадцати километрах от Харбина, в провинции Биныцзян, у посёлка Пинфань был объявлен особой военной зоной Квантунской армии. Тридцать шесть квадратных километров окружены рвом и забором с подключенной к высокому напряжению колючей проволокой. Меньше чем за год здесь были построены учебный центр, многочисленные лаборатории, лекционный зал, жилые помещения для трёх тысяч человек, автономная электростанция, железнодорожная ветка, тюрьма примерно на сто человек, стадион, синтоистский храм, аэродром с собственной авиацией и противовоздушной обороной, обязанной сбивать любые пролетающие самолёты. «Отряд Камо» перебазировался сюда в 1939 году, затем он был переименован в «Отряд Того», а в августе 1941 года, после боевых действий у Халхин-Гола, – в «Маньчжурский Отряд 731».

Попасть в Отряд 731 можно было только через секретный пункт связи в центральном районе Харбина. За воротами этого трёхэтажного здания, построенного из красного кирпича в виде буквы «П», скрывался небольшой внутренний дворик, въехать в который могли лишь специальные машины или автобусы. Переодевшись в гражданское, сотрудники Отряда 731 выходили отсюда в город, смешиваясь на его улицах с прохожими.

Выехав из Харбина, примерно через час автобус приближался к месту расположения Отряда. Среди широкой равнины неожиданно, словно видение, возникали облицованные редкой по тем временам особо прочной плиткой молочно-белого цвета прекрасный дом и не менее прекрасная стена.

Судя по официальным документам, в Отряде 731 научно-исследовательской работой по подготовке бактериологической войны занимались более двух тысяч шестисот учёных, так называемых военных специалистов и вольнонаёмных медиков и биологов с высшим образованием и опытом практической работы. В Отряде с использованием «брёвен» работали двадцать исследовательских групп. Группа Кисахары изучала воздействие вирусов на организмы «брёвен», группа Танаки – насекомых, группа Эдзимы – дизентерией, группа Иосимуры исследовала обморожения, группа Такахаси – заражение чумой, группа Минато – холерой, группа Танабэ – тифом, группа Футаки – туберкулёзом, группа Ооты – сибирской язвой, группы Икамото и Иисикавы – патогенезом, группа Якэнари – производством керамических бомб, группа Каракавы – производством бактерий.

Одним из направлений в фармакологии в те годы было изучение действия различных ядов на организм человека. В Отряде усиленно занимались производством смертельных для человека соединений синильной кислоты и поиском противоядий к ним. Эффективность изготовленного яда, минимальную смертельную дозу и способы приёма яда испытывали на «брёвнах».

«Брёвнами» в Отряде 731 были попавшие в плен китайцы, монголы, русские, корейцы, схваченные жандармерией и спецслужбами Квантунской армии участники антияпонского сопротивления и похищенные с улиц Харбина мужчины, женщины, старики, дети. Все они отправлялись в тюрьму Отряда 731.

«Брёвна» не имели ни имён, ни фамилий. У каждого – трёхзначный номер, в соответствии с которым «бревно» распределено в качестве материала в определённую исследовательскую группу.

В центре блока «ро» – двухэтажное бетонное здание тюрьмы. «Склад брёвен» делился на седьмой мужской корпус и восьмой женский. Так как женских «брёвен» было меньше, чем мужских, то восьмой корпус часто заполняли и мужскими «брёвнами». В зависимости от цели исследования «брёвна» помещались в одиночные или общие, рассчитанные на десять «брёвен» камеры.

Изредка заключённых по одному выпускали из камер. Из коридора они выходили на улицу, оттуда – в засаженный травой внутренний двор. Им разрешали разве что размяться на прогулке, время от времени стричь газон, прочищать площадку от небольших камней. Убежать из замкнутого внутреннего двора было невозможно.

Хозяйственное управление Отряда 731 занималось не только кадрами, финансами и канцелярией. В его подчинении находилась и съёмочная группа, фиксировавшая на фото и на шестнадцатимиллиметровой киноплёнке многочисленные эксперименты над «брёвнами». Группа печати публиковала научные данные в журналах. На предназначенных для будущей бактериологической войны топографических картах были обозначены особо важные в тактическом отношении объекты: источники питьевой воды, реки, колодцы.

Между общим и плановым отделами хозяйственного управления была расположена так называемая комната усопших. В мерцании лампад её стены были увешаны фотографиями сотрудников Отряда, погибших во время экспериментов по производству бактериологического оружия.

По штатному расписанию в Отряде должно было быть три тысячи человек, но постоянно не хватало от двухсот до пятисот. Довольно много было вольнонаёмных женщин, начиная с медсестёр Отрядного госпиталя, которым было запрещено входить в блок «ро». Все служащие Отряда и члены их семей давали расписку следующего содержания: «В случае моей смерти, независимо от её причин, даю согласие на вскрытие моего тела».

Если в жандармерии или в лагерях для военнопленных людей пытали, унижали и практически не кормили, то в тюрьме Отряда 731 «брёвен» не допрашивали, не заставляли работать, кормили три раза в день, в том числе десертом и фруктами. Для опытов требовались физически здоровые «брёвна». Женские «брёвна» использовались в основном для изучения заражения, а затем для исследования венерических заболеваний.

Интенсивные эксперименты приводили к активной циркуляции «брёвен» – на мужском и женском «складах» ежедневно их было не больше трёхсот. Каждые два-три дня списывались два-три «бревна», на смену которым тут же поступали два-три новых.

Для применения бактериологического оружия требуются точные данные о том, как происходит заражение тем или иным видом бактерий. При каких условиях здоровые люди заболевают чумой или холерой? В результате чего они умирают или выздоравливают? При изучении заражения и развития заболевания для каждого вида бактерий проводились клинические опыты, накапливались данные. Достоверные результаты могли быть получены только на основе длительного изучения добротного экспериментального материала. Подопытные должны быть здоровы, их запасы должны постоянно пополняться.

Для ведения бактериологической войны необходимо распространить большое количество бактерий в тылу противника или на передовой. Такие военные операции в японской армии осуществлялись Отрядом 731. При малейшей ошибке или оплошности могла возникнуть опас-

ность заражения японских солдат. Кроме того, вступление японской армии на заражённую территорию должно быть максимально безопасно – и здесь огромное значение имела разработка профилактических мер, создание вакцин против чумы, холеры, сибирской язвы и других заболеваний.

* * *

Всё больше бледнея, Мао Цзэдун говорил и говорил об Отряде 731, о том, как в нём одним поворотом вентиля во все тюремные камеры подавался ядовитый газ, о том, как по коридору первого этажа блока «ро» по тонким рельсам в четырёхколёсных вагонетках в специальных тяжёлых металлических сосудах вывозились на склад произведённые бактерии. Лишь с одним ничего нельзя было сделать – тошнотворный запах разложения часто распространялся по всему блоку, а иногда и ощущался снаружи.

– Агар-агар? – спросил Владимиров у взволнованного Мао. – Причиной зловония был агар-агар?

Ответ был очевиден.

– Как бы я хотел посмотреть в глаза этим так называемым учёным, этим так называемым людям! – разгневанным зверем Мао бродил по кабинету.

* * *

1945 год. Нюрнберг, Дворец правосудия.

Председатель Международного военного трибунала, главный обвинитель от Великобритании Лоренс и его помощник Робертс пьют виски.

– Робертс, вы пьёте, не знаю, как мальчишка!

– А как надо?

– Вот как! – Лоренс изящно закинул содержимое рюмки в рот.

Робертс попытался сделать так же. Закусили.

– Кстати, как вам нравятся русские? – Лоренс не скрывал иронии.

– Мне? Нравятся? Знаете, ещё немного и...

– Ещё немного, и американцы потеряют в Нюрнберге инициативу. И заметьте, вслед за Нюрнбергом они мечтают продемонстрировать миру правосудие по-американски в Токио.

– Быстрый и справедливый трибунал?

– Быстрый и справедливый трибунал на Дальнем Востоке под копирку с Нюрнбергом! Американский генерал Макартур принял на линкоре «Миссури» капитуляцию Японии и предложил разделить Страну восходящего солнца между странами-победительницами.

– Идиот! – рассмеялся Робертс.

– Всего лишь политический провокатор, – уточнил Лоренс. – Генерал Макартур полностью контролирует подготовку трибунала в Токио. Он уже заявил, что японский император Хирохито неподсуден, его нужно оставить на престоле как символ единства новой японской нации.

– Новая японская нация должна статьнацией американских вассалов?

– Смешно, не так ли? – мутнеющим взглядом Лоренс разглядывал пустую бутылку.

* * *

Китай. Четырнадцатое января 1945 года.

Мао Цзэдун и Владимиров выходят из калитки, идут по дорожке. Держась на расстоянии, за ними следуют телохранители Мао. Вечерняя дымка смазывает в долине очертания полей, домиков, дорог, фигурки людей.

Засмотревшись на зарю, нависшие над долиной тёмные скалы, обелённый инеем кустарник, Мао задумчиво произнёс:

– У нас в Китае есть поговорка: «За несколько капель милосердия мы должны ответить целым источником воды». Как быть милосердным к тем, кто не знает милосердия ни к кому?.. Конфуций говорил: «В пятнадцать лет у меня появилась охота к учению, в тридцать лет я уже установился, в сорок лет у меня не было сомнений, в пятьдесят лет я знал волю Неба».

– А в шестьдесят? – спросил Владимиров.

– В шестьдесят лет мой слух был открыт для немедленного восприятия истины.

– А в семьдесят?

– «В семьдесят я следую влечениям своего сердца, не переходя должной меры» – так говорил философ, – Мао улыбнулся. – А как там говорил ваш друг?

– Мой друг? Он говорил: «Будущее за ними». Он говорил: «Когда мы встаём, китайцы уже в поле, когда мы ложимся спать, они ещё там. Будущее за ними».

– Любовь к родине, работоспособность, – Мао достал сигарету, закурил. – И самопожертвование.

Оба долго смотрели на зарю.

– Только Советский Союз, – проговорил Мао, – только Советский Союз – единственный друг компартии Китая. Цену другим союзникам определила сама история. – Он страхнул пепел. – Есть политики, а есть политики. Политики тоже люди, а люди, совершившие ошибки, более ценные, в будущем на основе своего горького опыта они уже их не повторят. Люди, не совершившие ошибок, из-за самоуверенности могут легко их допустить.

Мао докурил сигарету, подошёл вплотную к Владимиrowу:

– Скучаете по родине?

– Я здесь с мая сорок второго года.

– Вы больше, чем корреспондент ТАСС, больше, чем связной Коминтерна при руководстве ЦК КПК. Вы мой товарищ...

Молча они смотрели вслед уходящей заре.

– Январь. Зима в России морознее, чем в Китае. Время от времени я пишу стихи.

Неожиданно для Владимирова он заговорил нараспев, словно запел:

– В день осенний, холодный
я стою над рекой многоводной,
над текущим на север Сянцзяном.
Вижу – горы и рощи в наряде багряном,
изумрудные воды прозрачной реки,
по которой рыбачьи снуют членоки.
Вижу – сокол взмывает стрелой к небосводу,
рыба в мелкой воде промелькнула как тень,
всё живое стремится сейчас на свободу,
в этот ясный, подёрнутый инеем день.
Увидав многоцветный простор пред собою,
что теряется где-то во мгле,
задаёшься вопросом – кто правит судбою
всех живых на бескрайней земле?..

* * *

Самолёт качнуло в воздушной яме.

– И всё-таки исход войны не за оружием, а за народом, – Морозов закрыл на экране ноутбука файл с фотографиями Отряда 731. – В этом я согласен с Мао Цзэдуном. Ветер с Востока набирает силу. Си Цзиньпин официально подтвердил: народ Китая отдал за свою свободу, за становление своей государственности тридцать пять миллионов жизней.

– О геноциде этого народа, – выдохнул Ройzman, – европейцы, как правило, не знают ничего.

– И не хотят знать.

* * *

1945 год. Нюрнберг. У микрофона, в центре зала заседаний трибунала – Штамер, адвокат Геринга:

– Мой подзащитный хотел бы выступить с заявлением!

– Политические заявления не допускаются! – категорически отрезал Лоренс.

– Мой подзащитный имеет право на заявление!

Не обращая внимания на шум в зале, Лоренс кивает:

– Трибунал не возражает.

Геринг встаёт со скамьи подсудимых.

– Я готов быть осуждён трибуналом. Но трибунал односторонен! Здесь нет представителей побеждённых и нейтральных стран, здесь одни победители!

Геринг садится, шум в зале стихает.

Лоренс выдерживает паузу:

– Трибунал получил обращение защиты о перерыве на рождественские каникулы. Трибунал считает, что перерыв необходим.

Гул одобрения в зале.

– Другого перерыва в заседаниях не будет, – продолжает Лоренс. – Трибунал получил просьбу от адвоката подсудимого Кейтеля об использовании письменных заметок на заседании ввиду плохой памяти Кейтеля. Трибунал не возражает.

* * *

Тюрьма, камера Геринга.

Сышен вскрик. Дверь открывается, на пороге возникает человеческий силуэт.

– Что с вами, рейхсмаршал? – лейтенант Уиллис поднимает Геринга с пола, сажает его на постель. – И часто с вами так?

– Бывает, – с трудом дыша, произносит Геринг. – Боитесь потерять быка в загоне?

– Не хотелось бы.

– Мне тоже, я ещё поживу. Сохранять здоровье для виселицы? – Геринг усмехнулся. – Как вас зовут, лейтенант?

– Лейтенант Уиллис, сэр.

– Уиллис? Мне не нравится, я буду звать вас по-другому. Я придумаю как.

– По Уставу трибунала мы должны...

– Я не признаю ни ваш Устав, ни ваш трибунал! – рявкнул Геринг.

Уиллис старался не смотреть на него.

– История нас оправдает, – Геринг сплюнул на пол. – Кто-то должен править миром! Да, лейтенант, да!.. Через пятьдесят лет в каждом немецком доме будут памятники Герингу, маленькие памятники, но в каждом доме! Можете поставить у дверей моей камеры хоть десять надзирателей, пусть смотрят, как я ем, сплю, бреюсь, как испражняюсь. Я не слонялся Лей, я не повешусь! Вы посадили меня на диету – спасибо, я доволен!..

* * *

Председатель трибунала Лоренс продолжает заседание.

– Трибунал отклоняет заявление защиты Бормана, дело Мартина Бормана будет рассмотрено заочно.

Гул одобрения в зале.

– По заключению медицинской экспертизы, – Лоренс не сводит взгляда со скамьи подсудимых, – Штрайхер признан вменяемым, его дело будет продолжено.

Гул одобрения усиливается.

– Медицинское заключение экспертов о психическом состоянии подсудимого Гесса, – Лоренс пролистывает пару страниц, изучает текст, перед тем как зачитать его. – «Рудольф Гесс страдает истерией, выраженной в потере памяти». Защита с мнением экспертов согласна.

Руденко встаёт со своего места:

– Советская делегация просит слова!

– Мы вас слушаем.

– У советской делегации нет сомнений в отношении экспертизы. Но мы считаем, подсудимый Рудольф Гесс вполне может предстать перед судом.

– Вы считаете, подсудимый симулирует потерю памяти?

– Мы считаем, это возможно.

– Заявление стороны обвинения от Советского Союза принято трибуналом.

Руденко садится на место.

– Трибунал хотел бы, чтобы подсудимый Гесс выразил свою точку зрения.

Рудольф Гесс встаёт со скамьи подсудимых, смотрит в зал.

– Подсудимый Гесс, отвечайте! Вы симулировали потерю памяти? Вы симулировали?

– Моя способность... – Гесс говорит очень тихо. – Моя способность сосредоточиться...

– Громче, пожалуйста!

– Она несколько нарушена, но я... Я могу отвечать на вопросы... Я отвечаю за всё, что сделал... Данный трибунал я не считаю правомочным.

– Объявляется перерыв! – Лоренс резок как никогда.

– Господин председатель! – пытается произнести в нарастающем гуле Гесс.

– Перерыв!

* * *

Пот на побледневшем лице, одышка, у Ройzman'a синеют губы.

– Вам плохо? Сердце? – спросил взволнованно Морозов.

– Я был там, – старик Ройzman замер. – Я был в Нюрнберге...

Он вспомнил, как тогда, в коридоре Дворца правосудия так же едва не потерял сознание от боли в сердце и стоящий у стены человек оглянулся на него.

– Что с вами?

– Я клянусь перед Богом всемогущим... Говорить чистую правду...

– Вы меня слышите?

– Да. Вы русский?

Человек кивнул – да.

– Сердце болит, – Ройzman наконец перевёл дыхание. – Вы тоже свидетель?

Оба горько улыбнулись.

– У меня валерьянка, – сказал русский и дал Ройzmanу таблетки. – Помогает.

– Я давно не говорил по-русски.

– Я знаю французский.

– Я тоже. В каком-то смысле я полиглот. Ройzman. Самуил.

– Николай Ломакин.

– Говорю и пишу на русском, английском, французском, польском, на иврите, на идише.

С русским надо говорить на русском. Европейцы не всегда понимают вас. До войны я работал бухгалтером.

– До войны каждый из нас был другим.

– А вы? Кем были вы?

– До войны и во время войны, и сейчас я служу. Я священник. Из Ленинграда.

– Петербург!..

– Каждый свидетель, – сказал задумчиво Ломакин, – даёт перед трибуналом клятву име-
нем Бога: «Я клянусь перед Богом всемогущим, что буду говорить перед судом только правду
и ничего, кроме правды. И ничего не скрою из того, что известно мне. Да поможет мне Бог.
Аминь». Неужели кого-то из них оправдают? Как люди могли пойти на такое? Скажите мне,
как? Вы верите в Бога?

– И в Бога, и в человека, – ответил Ройzman.

– И Моисей, и Мухаммед были рождены в браке мужчиной и женщиной. Иисус был чудо-
творно зачат девственницей Марией. И Моисей, и Мухаммед были женаты и имели детей.
Иисус был холост. Он был казнён, ученики его были слабы и разрознены.

Смертью своей Иисус искупил грехи человеческие и воскрес из мёртвых...

– Господь един. Извечен он один...

– Иудеям был послан Иисус, арабам – Мухаммед. Бог один. Пророки разные!

Проходивший по коридору коренастый, широкоплечий мужчина невзначай задел плечом
Ломакина. Это был Ди.

* * *

1945 год. Нюрнберг. Дворец правосудия, кабинет лорда Лоренса.

Председатель трибунала и его помощник Робертс выпивают и закусывают.

Пьянея, Лоренс становится всё более многословен:

– Когда в первые дни декабря 1937 года Германия только готовилась к захвату Австрии,
когда в Европе война только начиналась, в Азии германский союзник Япония уже девятый
год вела необъявленную войну против Китая. Войну, которую японские дипломаты деликатно
именовали инцидентом! В ходе этого «инцидента» в августе 1937 года японские войска захва-
тили Шанхай, а в декабре – столицу Китая Нанкин.

– Президент Америки полагает, что теперь он будет править миром, а Япония и Китай
станут пешками в его политической игре.

– Американцы так наивны? А как же народы Востока, их уровень самосознания, само-
пожертвования?

– Сколько китайских военных, сколько мирных жителей Китая стали жертвами первой и
второй японо-китайских войн? Что знают об этом американцы? Что знаем об этом мы? При-
дадём ли мы этому хоть какое-то значение?

– Вы совершенно правы, лорд Лоренс. От политического и экономического будущего
Китая и Японии зависит очень многое, насколько я понимаю.

– Робертс, за десять дней до капитуляции Японии президент Соединённых Штатов заявил: «Америка надолго утвердится на островах Тихого океана, и от Америки зависит, какой станет Япония». И если мне не изменяет память, в этот же день советский десант высадился в Дайрене и Порт-Артуре, и японцы тысячами начали сдаваться в плен.

– Ещё немного, и произойдёт очередной раздел мира.

* * *

Нюрнберг. Дворец правосудия. Ди занял своё место среди публики.

В центр зала, к микрофону вышел судья, главный обвинитель от США Роберт Джексон:

– В 1933 году в Германии жили около полумиллиона евреев. Они добились положения, они вызывали зависть.

Ди достал блокнот и начал записывать.

– Только поначалу политика преследования евреев проводилась без явного насилия, – продолжал Джексон. – Из девяти миллионов евреев в подвластной фюреру Европе, по нашим данным, погибли шестьдесят процентов – пять миллионов семьсот тысяч человек. Подсудимый Франк, юрист по профессии, о чём я говорю со стыдом, писал в 1944 году: «Евреи должны быть истреблены. Где бы мы ни поймали еврея, его нужно прикончить». Германия – не родина антисемитизма, при фюрере Германия – его образец.

Свист и шум в зале.

На скамье подсудимых Шахт закрыл глаза, фон Папен заткнул уши, Нейрат опустил голову и лишь Геринг и Гесс перебрасывались негромкими фразами:

– Тело принадлежит государству, а душа – Богу. Если она есть, душа, – уточнил Геринг.

– Вы сомневаетесь?

– Отчасти.

– От какой части?

– По-вашему, и мораль наследственна? – влезает в их разговор Кейтель.

– Я говорил и буду говорить об этом! – огрызнулся Геринг.

– Да, но...

Кейтель не интересен Герингу, он говорит с Гессом и только с Гессом:

– И мораль, и сознание подчинены требованиям расы. Я не фанатик, Иоахим. Взгляните на русских. Они с удовольствием затянут нам петлю на шее, но никогда не договорятся ни с кем из союзников. Вы не боитесь смерти?

– А вы, рейхсмаршал? – Гессу даже нравится эта игра в слова.

– Вас я не знаю. Я знал другого Гесса!..

Игра в слова закончена.

* * *

По четверо, взявшись за руки, прижимая к себе игрушки, перешёптываясь, брели в тумане дети. Гулким эхом был по ушам голос офицера СС: «Alle Juden raus!»

– Трупы! Кругом одни трупы! – шептал сквозь слёзы Ройzman. – Детские трупы, один на другом десятками. Мальчик, то ли ещё живой, то ли мёртвый, не понять, вот он, вот лежит весь в крови, а рядом – рядом трое малышей с какой-то игрушкой, кажется, лошадкой... Утром, да, утром шестого августа всё и случилось, да-да, утром. Дети завтракали или уже убирали посуду, не помню, как вдруг голос эсэсовца: «Alle Juden raus!» – «Все евреи на выход? Господин офицер, они же дети!» – «Alle Juden raus!» – «Не бойтесь, ничего не бойтесь!» – «Alle Juden raus!»

Знамя понесли мальчики, те, что постарше, все несли по очереди. Зелёное знамя короля Матиуша: клевер, а на обратной стороне голубая шестиконечная звезда. Впереди шёл доктор с двумя малышами, одного нёс на руках, другого вёл за руку. Воспитатели, работники Дома сирот шли рядом: Стефания Вильчинская, Роза и Генрик Штокманы, Бальбина Гжиб, Дора Соцкая, Сабина Лейзерович, – многие когда-то сами воспитывались в этом приюте.

– Alle Juden raus! Alle Juden raus!..

Люди, которых выгнали на улицу, которым приказали стоять и смотреть, люди рыдали! На Умшлагплатц кричали, рыдали, молились тысячи людей. Конвой остановил колонну, начавшуюся погрузка в вагоны. Офицер подошёл к доктору, что-то ему сказал, потом оттолкнул от детей. Доктор пошатнулся, встал в строй, дети прижались к нему...

Это воспоминание преследовало Ройзмана постоянно.

Самолёт заложил вираж вправо. Через минуту Ройzman встал и пошёл по проходу между креслами в туалетную комнату. Проходя один из последних рядов, почувствовал на себе жёсткий взгляд. Ди смотрел на Ройзмана в ожидании.

Словно яркая фотовспышка: Ройzman узнал в Ди офицера-эсэсовца, кричавшего детям «Alle Juden raus!». И мгновенно, словно через ту же фотовспышку, снова увидел того же Ди в самолёте.

Ройzman прошёл мимо, открыл дверь в туалет. Тяжело дыша, он смотрел в зеркало и не видел в нём ни себя, никого, ничего.

* * *

1945 год. Нюрнберг. Дворец правосудия.

– Выполнение военных приказов не оправдывает никого из подсудимых, – продолжал свою речь Джексон. – Они не были рядовыми солдатами, они представляли так называемую расу господ. Они истребляли целые народы! Среди них есть и такие, кто подобно Гессу, Розенбергу, Герингу был с самого начала с Гитлером. Геринг ещё в двадцатые годы в Мюнхене возглавил процесс насилия. Вот его слова: «Каждая выплевавшая пуля – моя пуля. Если кто-то называет это убийством, значит, это я убил».

Ди обратил внимание, что на скамье подсудимых больше всех нервничает Йодль. Вот он обернулся к Кейтелью:

– Я хотел бы предостеречь вас...

– Что? – Кейтель устал от разговоров, от свидетелей, обвинителей.

– Я только хотел...

– Возьмите себя в руки, Йодль!

– В мире нет твёрдой руки. И поляк, и русский, и еврей – все они должны...

– Да заткните его! – не выдерживает Геринг.

– Все должны знать, мы обязаны были выполнять приказы...

– Истеричка!

Ещё слово, и Геринг ударил бы Йодля, если бы смог.

– Выполнять приказы и работать! Выполнять приказы, не обсуждая их!..

* * *

Длинный стол в тюремной столовой. Тягостный обед подсудимых.

Геринг рассматривает Гесса.

– В британской тюрьме кормили лучше? Я к вам обращаюсь, Гесс!

Гесс не реагирует.

Геринг ждёт, берётся за ложку.

– Я думаю, если бы фюрер стоял рядом с нами... – Кейтель замер под взглядом Геринга.
– Фюрер? Чтобы его унижали так же, как нас? – Геринг сплюнул. – Трус и ничтожество!
– Но я хочу...

– Мне плевать на то, что вы хотите! Жалкие рабы! Они хотят не просто повесить нас, они хотят нас унизить, нас и Германию. Неужели, чтобы спасти себя, мы должны предать фюрера, предать себя, предать партию, отчество? Я заявляю всем вам, что я лучше умру, чем скажу хотя бы раз, что мы были неправы. Я одинок? – Он срывается на крик. – Одинок?..

Ложки и миски начинают грохотать по столу. Тюрьму сотрясает сирена.

* * *

– Обвинение настаивает на допросе Рудольфа Гесса!

Лоренс устал от препирательств с адвокатами. Вскакивающий раз за разом Зейдль действует ему на нервы.

Вот и сейчас на весь зал звенит адвокатский крик:

– Защита категорически протестует!

– Господин Зейдль, сохраняйте спокойствие, – Лоренс перегнулся через стол. – Трибунал отклоняет ваш протест. Пожалуйста, сядьте на место.

Зейдль садится, выговаривая что-то сидящим рядом коллегам.

– Мистер Робертс, вы можете приступить к допросу, – Лоренс выглядел уставшим как никогда.

– Благодарю вас. – Робертс занял место у микрофона.

– Мы вас слушаем.

– Я хотел бы напомнить уважаемому суду, что ещё в марте сорокового года Геббельс писал, что германо-советская коалиция началась с того, что Гитлер увидел Сталина в фильме...

– Советская делегация протестует!

Лоренс жестом просит Руденко успокоиться:

– Протест отклоняется. Продолжайте, мистер Робертс.

– И тогда Сталин вызвал у Гитлера симпатию, – Робертс не скрывает своего раздражения от реплики советского обвинителя. – Тот же Геббельс, как известно, заявлял: «Лучше гибель заодно с большевизмом, чем вечное рабство с капитализмом». Чем вы это объясните, подсудимый Гесс?

Гесс задумался.

– Вам понятен вопрос?

Гесс не реагирует.

– Вы меня слышите?

Гесс приподнимает голову.

– Вы поняли мой вопрос?

В Нюрнберге, пожалуй, больше остальных подсудимых Ди интересовали Геринг и Гесс: один – яростно самоуверенный, мощный и неприступный как скала, другой – столь же неприступный, с прямой спиной, но внешне приторможенно мягкий, не случайно скрывающий глаза за стеклами слегка затемнённых очков. Один, несмотря ни на что, гнёт свою линию, провоцируя конфликт за конфликтом, другой – лишь отчасти прячет то в нерешительности, то в забывчивости свою точку зрения. Вот и сейчас он то ли задумался над вопросом, то ли потерял ощущение времени и пространства. Такие противники вызывают уважение и за шахматной доской, и на боксёрском ринге.

– Вы поняли мой вопрос? – чуть ли не кричит Робертс.

– Если я правильно понял, – наконец откликнулся Гесс.

– Я очень на это надеюсь! – Робертс исчерпал последнее терпение.

– Дело в том, что... В северо-западном блоке нашей партии в двадцатые годы...
– Вы поняли мой вопрос?

В ожидании ответа Гесса Ди опёрся локтями на колени, до онемения сцепил пальцы рук в замок.

– Тогда среди нас была сильна ненависть к капитализму, – Гесс опять о чём-то задумался. – И соответственно была симпатия к Советской России. Тот же Геббельс, о котором вы говорите, однажды позволил себе выкрикнуть в адрес фюрера: «Бессмыслица, ты победила!», когда услышал, что нашей главной задачей является уничтожение коммунизма. Геббельс, как мне кажется, с интересом наблюдал за политическими ходами Сталина. Ещё Коминтерн собирался стравить Германию и Россию.

– Когда, по-вашему, началось сближение Германии и Советской России?

– Двадцать третьего мая 1939 года фюрер сжёг за собой все мосты, заявив, что нам в течение двух лет необходимо разгромить Англию, Францию и Польшу, и только потом – Советский Союз. Но ещё до того, сказал он, нам необходимо любой ценой склонить Россию на свою сторону. Мы нуждались в хлебе, топливе, руде, фосфатах. В принципе фюрер был прав. Мы задействовали все каналы для сближения, но русские нас словно не понимали. И только когда до войны с Польшей осталось две недели, Риббентроп сумел убедить Молотова подписать пакт о ненападении, условием Молотова было торгово-кредитное соглашение.

– Молотов беседовал с Риббентропом дважды?

– Два дня. Кстати, насколько мне известно, Сталин присутствовал при одной из их бесед более двух часов. Риббентроп вернулся в Берлин, где говорил с фюрером наедине. Шулленбург уведомил фюрера о том, что Сталин готов встретиться во Львове в ноябре 1939 года.

– Встреча не состоялась?

– Я не могу ответить на этот вопрос.

– Встреча не состоялась?

– Что, простите?

– Встреча не состоялась? – нервы у Робертса сдали окончательно, он едва не сорвался на крик.

– Встреча? – Гесс задумался.

Ди достал из внутреннего кармана пиджака коробочку с любимыми леденцами.

– С какой целью организовывалась эта встреча? – как можно спокойнее переспросил Робертс.

– Я не могу ответить на этот вопрос.

Не сводя глаз с лица Гесса, неторопливо и нежно, словно тело любимой женщины, Ди поглаживал пальцами крышку коробочки с монпансье.

– Не можете или не хотите? – спросил Робертс.

– Не могу, – не сразу ответил Гесс.

Робертс сделал многозначительное лицо:

– Я хочу обратить внимание трибунала...

– Я не могу ответить, – Гесс сбил Робертса с мысли.

Пауза. Лорд Лоренс удовлетворённо раскачивается в кресле:

– Вы закончили допрос?

– Нет! Прошу прощения, но я бы хотел обратить ваше внимание, господа судьи, что Рудольф Гесс многие годы был личным секретарём Гитлера. Они вместе отбывали тюремное заключение. Гесс под диктовку Гитлера писал «Майн кампф». Гесс знал о Гитлере всё: его мысли, идеи...

Зайдль выкрикивает с места:

– Протестую! Знать мысли невозможно!

– Протест принят, – Лоренс вытер пот на лысине. – Я прошу вас, мистер Робертс, далее быть более корректным.

* * *

Ди не сводит глаз с Гесса, изучая каждое его движение, когда Гесс стоит у микрофона в зале заседаний трибунала.

– Скажите, подсудимый, – Робертс строг и подтянут, – каковы были планы германского руководства в отношении Великобритании?

Гесс не торопится с ответом. Впрочем, его паузы теперь уже мало кого впечатляют.

– Я уверен, фюрер никогда не думал о завоевании Англии.

– Вы уверены или вы знали об этом?

– Я почти уверен. Он готовил в своём уме любые проекты. Он мечтал о Северной Америке, о победе в Африке.

– Я спрашивал вас о Великобритании! – едва не срывается на крик Робертс.

– Фюрер знал, в июне сорокового года в Англии, никогда не имевшей сухопутной обороны, было всего несколько полков, он знал это, но случаем не воспользовался.

– Как вы думаете, почему? – уточняет Робертс.

– Фюрер склонялся перед Англией как перед маркизой.

Ди открывает блокнот и начинает записывать.

– Как вы думаете, почему?

– Дело не в том, что мы не имели сильного флота у берегов Британии. В директиве 1939 года сухопутная операция против Англии вообще не упоминалась. Не имея превосходства в море, мы могли бы рассчитывать на победу в воздухе, но воздушный флот Великобритании не был уничтожен.

– Иными словами, Англия фактически никогда не была под угрозой высадки германских войск?

– Я считаю именно так. Фюрер был более заинтересован в Норвегии, Испании, России и даже Ливии.

– Собирался ли Гитлер вовлечь Францию в войну с Великобританией?

– С документами на этот счёт я не был знаком.

– Но они были?

– Я не могу утверждать. Гибралтар не был занят потому, что мы не смогли склонить на свою сторону Испанию. Герман Геринг поддерживал идею оккупации Канарских островов и Зелёного Мыса. История, без сомнения, приняла бы иной оборот, если бы фюрер не оставил Франции флот, если бы взял Гибралтар.

– Что вы можете сказать о встрече Гитлера с Муссолини двадцать восьмого октября 1940 года?

– Её могут подтвердить Геринг, Йодль и Кейтель.

– Что вы можете сказать о самой встрече?

– Фюрер был взбешён, когда узнал, что Муссолини ввёл войска в Грецию. Мало того, дуче не встретил фюрера на вокзале, точнее, он опоздал со встречей.

– Доверял ли Гитлер Муссолини?

Ди оторвался от блокнота и внимательно посмотрел на Гесса.

– Что известно Муссолини, говорил фюрер, то известно всем. Муссолини был уверен, что мы высадимся в Англии, и ничего не знал о подготовке войны с СССР.

Гесс замер.

– Что с вами, подсудимый? Вам плохо? Вы меня слышите?

«Я хочу говорить с герцогом Гамильтоном, – звучал в голове у Гесса его собственный голос. – Узнаёте вы меня?..»

Гесс потирает виски, смотрит туманным взглядом себе под ноги.

– Обвиняемый, что с вами?

«Я хочу говорить с вами наедине, – звучит в голове у Гесса его собственный голос. – Мой «Мессершмитт 110» упал у Игльсхэма. Узнаёте вы меня? Вы видели меня в Берлине, в тридцать шестом году, во время Олимпиады, вы обедали у меня. Я – Гесс, Рудольф Гесс. Это уже четвёртая моя попытка перелететь в Британию, три раза я возвращался с полпути из-за погоды. Фюрер, конечно, выиграет войну, не сейчас, так позже. Я хочу предотвратить кровопролитие. Если Германия и Великобритания заключат мир, а мы заинтересованы в нём, то это могло бы...»

– Подсудимый, с вами все в порядке? – Робертс явно растерян.

– Извините меня, голова... У меня к вам просьба...

– Подсудимый Гесс, вам плохо? – Лорд Лоренс нависает над столом.

– Нет, ничего.

«Я прибыл в Англию добровольно, без оружия, – память упрямо возвращает Гесса к тому разговору. – Прошу вас телеграфировать моей семье в Цюрих, что я жив. Франция повержена, Россия будет повержена, Англии не выиграть войну против Германии. Если Англия предоставит Германии свободу действий в Европе, то Германия гарантирует Англии свободу действий во всей Британской империи. Вы молчите? Почему вы молчите?..»

– Почему вы молчите, Гесс? – Удар молотка, лорд Лоренс собирает бумаги. – Врача! Вызовите врача! Я прерываю заседание. Перерыв!..

* * *

Резкий телефонный звонок в кабинете главного обвинителя от СССР Романа Андреевича Руденко. Ещё один звонок. Руденко подходит к телефону.

– Товарищ Руденко! – голос Сталина в трубке гудел металлическим эхом. – Объясните мне как специалист в юридических вопросах, товарищ Руденко, почему не мы, не советское обвинение открыло процесс? Почему мы позволяем американцам и англичанам вести себя в Нюрнберге по-хозяйски? Кому на руку затягивание процесса? Что вы на это скажете? Я слушаю вас, товарищ Руденко.

– Я думаю, товарищ Сталин, что...

– Я не узнаю вас, товарищ Руденко! Я не вижу вашей принципиальной позиции. Вы хорошо подумайте об этом. Вашу работу в Нюрнберге контролирует лично товарищ Вышинский. Он, конечно, консультируется с Молотовым, это правильно. Но Молотов – это Молотов, а Сталин – это Сталин!..

* * *

– Вы осознаёте, – Джексон буравил взглядом Геринга, – что вы – единственный оставшийся в живых человек, который может полностью рассказать нам об истинных целях нацистской партии?

– Да.

– Вы с самого начала намеревались свергнуть Веймарскую республику?

– Это было моим твёрдым убеждением. И мы свергли её.

Несколько человек в зале зааплодировали, и Ди, не привлекая к себе внимания, был среди них.

– Придя к власти, вы немедленно уничтожили парламентское правительство, не так ли?

— Мы не нуждались в нём. Получив власть, мы должны были удержать её. Мы не могли полагаться на случай, на выборы. Мы — власть, мы — сила! Мы упразднили региональные парламенты и распустили рейхстаг.

На этот раз не аплодировал никто. В зале стояла тишина.

— Скажите, идея объединения должностей главы государства и парламента в лице Адольфа Гитлера принадлежит вам?

Геринг не сдержал улыбку:

— Мы взяли пример с двойной роли президента Соединённых Штатов. Снимаю шляпу!

— А идея концлагерей?

— Это моя идея, — и вновь Геринг серьёзен.

— Вы были за втягивание германского народа в войну против СССР?

— Германский народ не имеет ничего общего с этим делом, его никто не спрашивал.

— Я спрашиваю вас не о народе, а о вас лично.

— Лично я был против нападения на Россию.

— Но при этом вы не ушли в отставку и никак не проявили своё несогласие!

— Мы воевали. В вашей стране политики и военные поступают иначе?

— Достаточно! — Джексон отвернулся от Геринга. — Ваша честь, я бы хотел...

— Вы закончили? — уточнил Лоренс.

— Я не закончил! — Геринг едва не взвился. — Я не закончил!

— Ваша честь!..

— Подсудимый имеет право высказаться, — Лоренс охладил пыл Джексона. — Подсудимый имеет на это право.

— Что касается моей отставки, я не желаю это обсуждать! — гордо выкрикнул Геринг. — Я — офицер, если вы способны это понять. Я не тот человек, который предаёт!

Со скамьи подсудимых Геринга поддержали аплодисментами.

— Ваша честь!..

— Мне никогда не приходило в голову бросить фюрера!

— Ваша честь, подсудимый демонстрирует презрение к трибуналу! Я прошу...

— Ваше возражение принято, — лорд Лоренс жестом успокоил Джексона и обратился к Герингу: — Подсудимый, сядьте. Вы можете лишь отвечать на вопросы, а не заниматься пропагандой своих взглядов. Вы меня поняли?

Геринг кивнул.

— Можете продолжать, мистер Джексон.

— Геббельс научил Карла Эрнста, как поджечь рейхстаг, — Джексон взглянул на скамью подсудимых. — Тот подготовил десять членов СА и доложил Герингу. Решение свалить поджог на коммунистов возникло тогда же.

Услышав это, Геринг приветливо кивнул Джексону.

— Позже один из тех десяти, оставшийся без вознаграждения, некий Гель, в прошлом уголовник, написал об этом в имперский суд. Стоит ли говорить, что с ведома Геринга Гель был убит, а труп его исчез. Геринг, что вы можете сказать об этом?

Герман Геринг не реагирует.

— Генерал Франц Гальдер, — продолжает Джексон, — заявил, что Геринг в сорок втором году говорил ему о своём участии в поджоге. Что вы на это скажете, подсудимый?

Геринг делает мечтательно-загадочное лицо.

— Ваш двоюродный брат, как известно, не раз заявлял о вашей беспринципности.

— И я не порвал его на части? — с иронией отозвался Геринг.

— Я удивлён этому не меньше, чем вы.

– Что касается пожара рейхстага, мне не известно ни одного случая, – Геринг не дал Джексону договорить, – чтобы из-за пожара был убит хоть один человек, да и арестов было немного.

– Вы уверены в этом?

– Абсолютно.

– Вы встречались с фюрером во время пожара?

– Конечно, мы встречались.

– И здесь же, на месте, вы решили арестовать коммунистов?

– Нет, это решение было принято заранее.

– Заранее?

– Вы не ослышались! – Геринг рассмеялся.

– Вы никогда не хвастались, что подожгли рейхстаг?

Геринг молчит.

– Скажите, вы помните завтрак в день рождения фюрера в сорок втором году? Вы не помните? Я читаю: «За общим завтраком Геринг крикнул: «Я – единственный, кто знает рейхстаг, потому что я поджёг его!». Сказав это, он похлопал себя по ляжке», – конец цитаты. Это письменное показание генерала Гальдера. Вы говорили о поджоге?

– С Гальдером? Такого разговора не было.

– Ваши заводы приводили Германию в состояние готовности к войне, не так ли?

– Концерн «Герман Геринг» занимался добычей сырья и производством стали.

– У меня нет вопросов к подсудимому, – Джексон закрыл папку с бумагами.

Руденко просит слова. Лоренс не возражает.

– У меня несколько вопросов к подсудимому Герингу.

– С удовольствием на них отвечу, – усмехнулся Геринг.

– Во-первых, влияли ли вы на принятие фюрером внешнеполитических решений?

– Нет. Фюрер есть фюрер, точнее – был.

– Кто же был ближайшим советником фюрера в экономике?

– Я.

– В военных вопросах?

– Я.

– Вы разрабатывали план нападения на Советский Союз?

– Рейхсмаршал – всего лишь титул, не более, – Геринг ухмыльнулся.

– План был разработан в ноябре 1940 года?

– Да.

Теперь уже Руденко выдержал паузу.

– Я прочту вам запись совещания от шестнадцатого июля 1941 года: «Прибалтика и волжские области должны стать частью империи, Ленинград подлежит уничтожению». Кем был записан этот протокол?

– Борманом. Но он преувеличил кое-что.

– Что например?

Геринг не отвечает.

– Вы признаёте, что руководили массовым угоном в рабство миллионов граждан из оккупированных стран?

– Речь шла о двух миллионах рабочих. Рабство я отрицаю.

– В подписанным вами приказе от шестнадцатого сентября 1941 года говорилось: «За жизнь одного немецкого солдата подлежат смертной казни 50—100 коммунистов».

– В этом приказе было указано 5—10 человек, фюрер исправил: 100.

– Согласны ли вы с теорией высшей расы?

– Не вижу связи.

– Вы согласны с этой теорией?

Геринг делает неопределённый жест рукой, словно разгоняет одному ему заметное облако домыслов.

– Я никогда не использовал это выражение. Различия между расами я признаю.

– Признаёте?

– Признаю.

– Вы неоднократно заявляли, что Гитлер привёл Германию к расцвету.

– Да, это так.

– И даже когда рейхстаг принял закон о защите народа и рейха, отменив контроль за бюджетом, внесение конституционных поправок и ратификацию договоров с иностранными государствами, передав их на четыре года имперскому правительству, и когда спустя несколько месяцев все партии до одной были запрещены, а профсоюзы распущены...

– И что?

– Послушное правительство, удобные законы, образование и религия на службе интересов нацизма. «Хайль Гитлер!» – обязательное приветствие, свастика как символ государства, «Хорст Вессель» – официальный гимн. Вы считаете, всё это отражает расцвет немецкого государства?

Геринг сдерживает приступ бешенства и с натугой отвечает:

– Катастрофа наступила после проигранной войны.

– У меня больше нет вопросов к подсудимому.

Глава вторая

«Мудрый человек не заблуждается, человеколюбивый не знает печали, мужественный не испытывает страха», – повторял Мао Цзэдун.

Ростом выше среднего, неторопливый, внешне рыхловатый, он двигался не так быстро, чуть склоняя голову к правому плечу. Владимиров уже привык к заплатанному даны и житейской скромности Мао. По словам Цзян Ци, её муж так много писал, что у него начала отниматься рука.

– У нас нет утра в привычном европейском понимании, – говорил Мао. – День накатывается стремительно. Кажется, белое раскаленное солнце так близко, что можно дотронуться до него. А время бежит!.. Стоя на берегу реки, Конфуций сказал: «Время бежит так же, как и вода, не останавливаясь». Летом дни стоят безоблачные, яркие, знойные, для вас непривычные.

Владимиров улыбнулся в ответ:

– Летом я несколько раз жестоко обгорал на солнце. Не сразу привык к жаре и почти не ел.

– Европейцы и особенно американцы постоянно указывают на нас пальцем, – продолжил Мао. – Опасаются распространения нашей революции? Есть революция в политическом смысле, а есть революция сознания. Какая из этих революций для них страшнее? Зачем они говорят лишнее? Зачем учат нас жить?.. Сегодня мы как никогда близки к цели великого возрождения китайской нации. И как никогда в истории мы нуждаемся в строительстве мощной народной армии. Мир необходимо защищать.

Тяжело дыша, Мао Цзэдун надолго задумался.

– Был сумрак ночной над моей страной, – поэтически произнёс он. – В нём дьяволов рой забавлялся игрой. Был нем и разрознен народ мой родной... Когда появились первые марксистские кружки, когда при поддержке Коминтерна создавалась наша компартия, наш пролетариат не самоопределился как класс. Сейчас наши партийные ряды обновляются молодёжью, неопытной, крестьянской, студенческой. Как никогда важны партийная дисциплина, критика и самокритика. Помните наш разговор об этом?

– О том, что партсобрания назначаются по указанию сверху и председатель ячейки указывает, кого и за что критиковать? – спросил Владимиров. – Я был свидетелем того, как жёстко критиковали парня всего лишь за разговор с девушкой. А вот о чём они говорили, никто на собрании не сказал. В другой раз за буржуазный индивидуализм брали девушку, посмевшую надеть сохранившееся от старых времён домашнее платье.

– Собраний не должно быть много, пустых речей не должно быть, – Мао Цзэдун взял Владимирова за руку. – У каждой головной боли есть повод, есть причина. Что вам больше по вкусу: пресная лепёшка с капустой или каша из чумизы?

– Если честно, мясо.

– Мясо для нас – роскошь! Многие военные предпочитают ханжу и байгар... Мы должны уважать друг друга во взглядах на жизнь, в том, что кому по вкусу. В любых отношениях, в политике, в быту, в двусторонних отношениях надо соблюдать принцип равенства, уважать выбор другой стороны. Но следовать чужим мнениям нельзя! С каким бы явлением ни столкнулся коммунист, он должен поставить перед собой вопрос «почему», должен всесторонне самостоятельно его продумать, ни в коем случае не проповедуя рабское преклонение перед чужим мнением. Как связать марксистско-ленинскую теорию с практикой китайской революции? Я предлагаю посмотреть на это так: когда ты пускаешь стрелу, видишь перед собой цель. Взаимосвязь между марксизмом-ленинизмом и китайской революцией подобна взаимосвязи между стрелой и целью. А некоторые наши товарищи пускают стрелу, не имея цели.

* * *

«На смену войне явной приходит война тайная, необъявленная. Человечество совершают переход от индустриального общества к новому мировому порядку через экономические кризисы, взаимные санкции, невоенные, гибридные враждебные действия. В большой политической игре за сорок лет действия соглашения о сотрудничестве между Китаем и Соединёнными Штатами соотношение сил изменилось в пользу Китая. Россию и Китай объединяет не столько противостояние с Америкой, сколько общие социально-экономические и geopolитические интересы. В идеале Америка, Россия, Китай, эти сверхдержавы, в динамичной связке могут достичь слаженной соразмерности, если не гармонии. В этом глобальном треугольнике у каждой страны своя сила – финансовая, технологическая, экономическая, военная», – сохранив файл, Морозов закрывает ноутбук. Плотно прижав ладони к уставшим глазам, он слышит лишь собственное дыхание...

Перед глазами вновь встаёт рабочий кабинет Мао Цзэдуна.

– Советское правительство, – Владимиров передал Мао папку с документами, – официально подтвердило решимость соблюдать условия договора с китайским правительством, не вмешиваясь во внутренние дела Китая.

Мао Цзэдун пожал Владимирову руку, положил папку на стол.

– Американцы, – сказал Владимиров, – делают всё, чтобы подтолкнуть нас к драке.

– К новой мировой войне, вы хотите сказать? – Мао покачал головой. – У них есть атомная бомба. Очень скоро она будет у вас. И что дальше? Ещё одна война?

– Противоборство. Противостояние...

Морозов открыл глаза. Сидящая в том же ряду пожилая женщина приняла от стюарда стакан воды. На её руке синий лагерный номер. Или показалось?

– В Освенциме было восемь печей, – перехватив взгляд Морозова, произнёс Ройzman. – Я был там.

* * *

– Пожалуйста, – Лоренс предлагает подойти к микрофону свидетельнице от обвинения, – назовите ваше имя.

– Мари-Клод Вайян-Кутюрье.

– Повторяйте за мной присягу: «Я клянусь говорить без ненависти и страха...»

– Я клянусь говорить без ненависти...

– Да не дёргайтесь вы, Йодль! – не выдерживает Кейтель. – Не смотрите вы на неё!

– Господи! Господи!.. – Йодль не может сдержать слёз.

– Клянусь говорить правду и только правду, – свидетельница заметно нервничает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.